

Я ИСЧЕЗНУ ВО ТЬМЕ

TRUE CRIME

TRUE CRIME

TRUE CRIME

ДЕЛО ОБ
"УБИЙЦЕ ИЗ ЗОЛОТОГО ШТАТА"

МИШЕЛЬ
МАКНАМАРА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ ГИЛЛИАН ФЛИНН
И ПОСЛЕСЛОВИЕМ ПЭТТОНА ОСВАЛЬТА

True Crime (АСТ)

Мишель Макнамара

**Я исчезну во тьме. Дело об
«Убийце из Золотого штата»**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Макнамара М.

Я исчезну во тьме. Дело об «Убийце из Золотого штата» /
М. Макнамара — «Издательство АСТ», 2018 — (True Crime
(АСТ))

ISBN 978-5-17-113141-8

На протяжении более чем десяти лет Калифорнию терроризировал жестокий серийный убийца. На него охотились десятки полицейских. Но Мишель Макнамара стала той, кто посвятил этому расследованию свою жизнь. Год за годом она интервьюировала уцелевших жертв маньяка. Задавала вопросы детективам, ведущим его дело. Снова и снова рассматривала фотографии с мест преступлений. Упорно просеивала в поисках крупниц истины множество версий на бесчисленных форумах любителей интернет-расследований... И внезапная смерть Мишель стала для многих потрясением... Спустя почти два года ее близкие и друзья все же завершили начатое Мишель дело – издали книгу «Я исчезну во тьме». Книгу, которая помогла воплотить в жизнь главную мечту писательницы – разоблачить «Убийцу из Золотого штата».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113141-8

© Макнамара М., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Действующие лица	8
Вступление	9
Пролог	12
Часть 1	16
Ирвайн, 1981 год	16
Дана-Пойнт, 1980 год	22
Голливуд, 2009 год	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мишель Макнамара

Я исчезну во тьме. Дело об «Убийце из Золотого штата»

Michelle McNamara

I'll Be Gone in the Dark: One Woman's Obsessive Search for the Golden State Killer

© Michelle McNamara, 2018

© Перевод. У. Сапцина, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Нет ни дворецкого, ни младшей горничной, ни крови
на лестнице.*

*Ни чудачки-тетушки, ни садовника, ни друга семьи,
Улыбающихся среди бездельюшек на месте
убийства.*

*Лишь дом в пригороде, и дверь на улицу открыта,
И пес лает на белку, и автомобили едут
Мимо. Тело без признаков жизни. Жена во Флориде.*

*Рассмотрим улики: толкушка в вазе,
Клочки фотографии баскетбольной команды из
Уэсли,*

*Разбросанные вместе с корешками квитанций и
чеков в холле;*

*Не отправленное поклонником письмо Ширли
Темпл,*

*Значок кампании Гувера на лацкане покойного,
Записка: «Быть убитым вот так меня совершенно
устраивает».*

Неудивительно, что дело до сих пор не раскрыто.

Или что сыщик Леру ныне неизлечимо безумен

И сидит одиноко в белой комнате в белом халате,

Воя, что весь мир свихнулся, что улики

*Заводят или в никуда, или в тупик среди стен, верха
которых не видно,*

*Вопит враждебно весь день, вопит, что ничего не
раскрыть.*

Уэлдон Киз. Клуб любителей детектива

Нападения «Насильника с востока»
(с июня 1976 г. по июль 1979 г.) Северная Калифорния
Подверглись 50 женщин в семи округах

1. 18 июня 1976 г., Ранчо-Кордова
23-летняя женщина (в этой книге ей дано имя Шейла) изнасилована в своей собственной постели проникшим в дом злоумышленником в маске. Это нападение стало первым из десятка совершенных человеком, которого в СМИ и органах правопорядка называли «Насильником с востока».

2. 5 октября 1976 г., Ситрус-Хайтс
Пятое нападение, совершенное «Насильником с востока», на этот раз жертвой стала 30-летняя домохозяйка Джули Миллер (имя изменено). Насильник дождался, когда муж жертвы уедет на работу, и проник в дом несколько минут спустя. Все это время трехлетний сын жертвы находился в ее спальне.

3. 28 мая 1977 г., Паркуэй-Саут-Сакраменто
На 28-летнюю Фию Уильямс (имя изменено) и ее мужа Филиппа напал «Насильник с востока», совершив свое двадцать второе из известных полиции нападений, и седьмое по счету, при котором присутствовал мужчина.

4. 28 октября 1978 г., Сан-Рамон
По официальному счету этот эпизод становится сороковым, «Насильник с востока» нападает на еще одну пару: 23-летнюю Кэти и ее мужа Дэвида (имена изменены).

5. 9 декабря 1978 г., Данвилл
32-летняя Эстер Макдоналд (имя изменено), разбуженная среди ночи, связанная и изнасилованная, становится сорок третьей жертвой «Насильника с востока».

Стрельба и кражи со взломом «Громилы из Визалии»
(с апреля 1974 г. по декабрь 1975 г.)

6. Визалия
Проверялась возможная связь с несколькими эпизодами проникновения со взломом и убийством Клода Снеллинга.

Бесчинства «Настоящего ночного охотника»
(с октября 1979 г. по май 1986 г.)

7. 1 октября 1979 г., Голета
«Настоящий ночной охотник» нападает на пару во время неудачного вторжения в дом; паре удается сбежать.

8. 30 декабря 1979 г., Голета
«Настоящий ночной охотник» убивает доктора Роберта Оффермана и Дебру Александрию Мэннинг.

9. 13 марта 1980 г., Вентура
«Настоящий ночной охотник» убивает Шарлин и Лаймана Смит.

10. 19 августа 1980 г., Дана-Пойнт
«Настоящий ночной охотник» убивает Кита и Патрис Харрингтон.

11. 6 февраля 1981 г., Ирвайн
«Настоящий ночной охотник» убивает Мануэлу Виттун.

12. 27 июля 1981 г., Голета
«Настоящий ночной охотник» убивает Шери Доминго и Грегори Санчеса.

13. 5 мая 1986 г., Ирвайн
«Настоящий ночной охотник» убивает Джанелю Крус.

Действующие лица

Потерпевшие

Жертвы изнасилования

*Шейла*¹ (Сакраменто, 1976 год)

Джейн Карсон (Сакраменто, 1976 год)

*Фиона Уильямс*² (Саут-Сакраменто, 1977 год)

*Кэти*³ (Сан-Рамон, 1978 год)

*Эстер Макдоналд*⁴ (Данвилл, 1978 год)

Жертвы убийства

Клод Снеллинг (Визалия, 1978 год)⁵

Кэти и Брайан Мэджсор (Сакраменто, 1978 год)⁶

Дебра Александрия Мэннинг и Роберт Офферман (Голета, 1979 год)

Шарлин и Лайман Смит (Вентура, 1980 год)

Патрис и Кит Харрингтон (Дана-Пойнт, 1980 год)

Мануэла Виттун (Ирвайн, 1981 год)

Шери Доминго и Грегори Санчес (Голета, 1981 год)

Джанелл Крус (Ирвайн, 1986 год)

Следователи

Джим Бевинс – следователь, управление шерифа округа Сакраменто

Кен Кларк – детектив, управление шерифа округа Сакраменто

Кэрол Дейли – детектив, управление шерифа округа Сакраменто

Ричард Шелби – детектив, управление шерифа округа Сакраменто

Ларри Кромптон – детектив, управление шерифа округа Контра-Коста

Пол Хоулс – криминалист, управление шерифа округа Контра-Коста

Джон Мердок – главный эксперт, криминалистическая лаборатория при управлении шерифа округа Контра-Коста

Билл Макгоуэн – детектив, департамент полиции Визалии

Мэри Хун – криминалист, криминалистическая лаборатория округа Ориндж

Эрика Хатчкрафт – следователь, прокуратура округа Ориндж

Ларри Пул – следователь, общенациональная правоприменительная группа по нераскрытым делам, управление шерифа округа Ориндж

Джим Уайт – криминалист, управление шерифа округа Ориндж

Фред Рэй – детектив, управление шерифа округа Санта-Барбара

¹ Имя изменено.

² Имя изменено.

³ Имя изменено.

⁴ Имя изменено.

⁵ Неопровержимая связь с «Убийцей из Золотого штата» так и не была установлена.

⁶ Неопровержимая связь с «Убийцей из Золотого штата» так и не была установлена.

Вступление

Еще до «Убийцы из Золотого штата» была девушка. Мишель расскажет вам о ней: эту девушку затащили в переулок у Плезант-стрит, убили и бросили там же среди мусора. Эта девушка, молодая, чуть за двадцать, была убита в Ок-Парке, штат Иллинойс, в нескольких кварталах от того места, где Мишель росла в шумной семье католиков-ирландцев.

Мишель, младшая из шести детей в семье, подписывалась в своем дневнике «Мишель-писательница». Она говорила, что именно это убийство стало причиной ее интереса к реальным преступлениям.

Из нас с ней получилась бы неплохая (хоть и странная, пожалуй) пара. В те же годы я, еще подросток, жила в Канзас-Сити, штат Миссури, тоже была начинающим писателем, но использовала в своем дневнике чуть более пафосный псевдоним – «Гиллиан Великая». Как и Мишель, я росла в большой ирландской семье, училась в католической школе и вынашивала в себе увлеченность мрачными сторонами жизни. В двенадцать лет я прочитала «Хладнокровное убийство» Трумена Капоте в дешевом издании, купленном в букинистическом магазине, и с этого началась моя пожизненная одержимость реальными преступлениями.

Я люблю читать про подобные преступления, однако всегда отдавала себе отчет в том, что как читатель выбираю для себя роль потребителя чужой трагедии. Поэтому, как любой ответственный покупатель, стараюсь осмотрительно подходить к своему выбору. Я читаю только лучшее – въедливых, проницательных и гуманных писателей.

Так что не найти Мишель я просто не могла.

Гуманизм всегда казался мне наименее оцененным качеством настоящего автора, пишущего о реальных преступлениях. Мишель Макнамара обладала поразительной способностью проникать в мысли не только убийц, но и полицейских, которые за ними охотились, жертв, которых они погубили, вереницы скорбящих родственников, которых осиротили. Став старше, я начала постоянно заглядывать в замечательный блог Мишель – «True Crime Diary». «Ты бы черкнула ей пару строк», – настойчиво советовал мне муж. Она была родом из Чикаго, я сама сейчас живу в Чикаго, мы обе были молодыми мамами, тратившими невероятно много времени на изучение темных сторон человеческой натуры.

Я не поддавалась уговорам мужа; пожалуй, ближе всего к знакомству с Мишель я подошла, когда познакомилась на каком-то книжном мероприятии с ее тетушкой. Та одолжила мне свой телефон, и я отправила Мишель какую-то совсем неписательскую эсэмэску, что-то вроде «Вы круче всех!!!».

На самом деле я не знала толком, хочу ли знакомиться с этим автором или нет: мне казалось, что она меня затмевает. Я создаю персонажи, а она была вынуждена иметь дело с фактами, двигаться в том направлении, куда вела ее та или иная история. Ей приходилось завоевывать доверие измотанных усталостью подозрительных следователей, не бояться пересмотреть целые кипы документов, в которых могла найтись важная крупинка информации, убеждать убитых горем родных и друзей жертв в необходимости беречь давние раны.

Все это она проделывала с особым тактом, писала по ночам, когда члены ее семьи спали, среди разбросанных ее дочерью листов цветной бумаги, записывая номера законов Уголовного кодекса Калифорнии цветными мелками.

Я сама – отъявленный коллекционер убийц, но я не подозревала, что человек, которым поглощены мысли Мишель, – тот самый «Убийца из Золотого штата», пока она не начала писать об этом кошмаре наяву, о человеке, виновном в пятидесяти сексуальных преступлениях и как минимум десяти убийствах, совершенных в Калифорнии в 1970–1980-х годах. Это было давнее нераскрытое дело: свидетели и жертвы сменили место жительства, умерли или постарались забыть прошлое, его эпизоды относились к множеству юрисдикций в Южной и Север-

ной Калифорнии. Оно охватывало множество уголовных дел, не содержащих таких улик, как следы ДНК или результаты анализов. Лишь очень немногие писатели взяли бы за подобный случай, и еще меньшая их часть успешно бы с ним справилась.

Въедливость Мишель в работе над этим делом изумляла. Приведу один показательный пример: путь пары запонок, похищенных с одного места преступления в Стоктоне в 1977 году, она проследила вплоть до сайта магазина в Орегоне, торгующего винтажными вещами. Но этим она не ограничилась: она могла бы также рассказать, что «мужские имена на “Н” встречались сравнительно редко, всего один раз на сотню в 30–40-х годах XX века, когда скорее всего и родился первый владелец этих запонок». Заметьте, это даже не ниточка, ведущая к убийце: это ниточка, ведущая к запонкам, украденным убийцей. Подобная одержимость деталями типична для Мишель. Как пишет она сама, «однажды я целый день собирала все сведения, какие только могла, об одном члене команды по водному поло школы Рио-Американо 1972 года, так как на фото в школьном альбоме выпускников он выглядел поджарым, но с развитыми мышцами икр» – такова одна из *возможных* особых примет «Убийцы из Золотого штата».

Многие писатели, потом и кровью собравшие столько материала, могли просто запутаться в деталях: статистике свойственно вытеснять человечность. Черты, благодаря которым человек становится педантичным исследователем, зачастую идут вразрез с этим жизненным качеством.

Однако в книге «Я исчезну во тьме» содержится не только прекрасное освещение событий, это еще и в равной степени точный моментальный снимок времени, места и личности. В работе Мишель оживают калифорнийские жилые микрорайоны, потеснившие апельсиновые плантации; новенькие комплексы с зеркальными окнами, где жертвы превращаются в звезд собственных душераздирающих триллеров; городки в тени гор, раз в год кишачие тысячами ползучих тарантулов в поисках пары для спаривания. И люди, боже ты мой, люди – оптимисты из числа бывших хиппи, энергичные молодожены, мать и ее дочь-подросток, которые спорят из-за свободы, ответственности и купальников, не ведая, что этот спор станет для них последним.

Меня все это зацепило с самого начала – как, по-видимому, и Мишель. Ее многолетняя охота за личностью «Убийцы из Золотого штата» далась ей нелегко: «Теперь у меня в горле навсегда застыл крик».

Мишель скончалась во сне в возрасте сорока шести лет, не успев закончить эту впечатляющую книгу. Вы найдете здесь также записи по делу, подготовленные ее коллегами, но личность «Убийцы из Золотого штата», его «автора», остается неизвестной. Эта личность меня нисколько не интересует. Я хочу, чтобы его поймали; мне все равно, кто он такой. Посмотреть в лицо этому человеку неинтересно; знать, как его зовут, – тем более. Мы знаем, что он натворил, и любые сведения помимо этих неизбежно будут ощущаться как заурядные, блеклые, какие-то шаблонные: «Моя мать была жестокой. Я ненавижу женщин. У меня никогда не было семьи...» и так далее. Я хочу больше знать о настоящих, адекватных людях, а не о грязных отбросах человеческого рода.

Я хочу больше знать о Мишель. Пока она подробно рассказывала о том, как искала этого человека-тень, я поймала себя на мысли, что старательно отмечаю все подробности, касающиеся самой писательницы, которой я искренне восхищаюсь. Кем она была, эта женщина, которой я доверилась настолько, чтобы погрузиться в этот кошмар? Какой она была? Что сделало ее такой? Откуда в ней эта тактичность? В один из летних дней я вдруг направила машину по занимающему двадцать минут маршруту от моего дома в Чикаго до Ок-Парка и переулка, где полиция нашла «ту самую девушку», а Мишель-писательница – свое призвание. Только оказавшись на месте, я осознала, *зачем* туда поехала. Просто я тоже вела свои поиски, следила за этой удивительной охотницей во тьме.

Гиллиан Флинн

Пролог

Тем летом я охотилась за серийным убийцей по ночам, вела поиски из детской моей дочери. Как правило, я имитировала ритуал отхода ко сну нормального человека. Чистила зубы. Переодевалась в пижаму. Но после того, как мои муж и дочь засыпали, я удалялась в свой импровизированный рабочий кабинет и включала ноутбук – люк шириной пятнадцать дюймов, ведущий к бесконечным возможностям. По ночам в нашем районе, расположенном к северо-западу от делового центра Лос-Анджелеса, стоит удивительная тишина. Порой единственными нарушавшими ее звуками были *клики*, с которыми я, используя функции просмотра улиц в гугл-картах, подбиралась как можно ближе к подъездным дорожкам незнакомых мне людей. Почти не шевелясь, всего лишь нажатием пары клавиш я преодолевала десятилетия. Школьные альбомы выпускников. Свидетельства о браке. Фото, сделанные полицейскими сразу после ареста. Я пролистала тысячи страниц полицейских архивов 70-х годов XX века. Корпела над отчетами о вскрытии. То, что заниматься всем этим приходилось в окружении плюшевых зверюшек и комплекта миниатюрных розовых барабанов-бонго, меня ничуть не смущало. Я нашла свое место для проведения исследований, уединенное, как крысиный лабиринт. Каждой одержимости необходимо собственное пространство. В моем были разбросаны разноцветные листы бумаги, на которые я наспех выписывала цветными мелками номера законов Уголовного кодекса Калифорнии.

Около полуночи 3 июля 2012 года я открыла файл, в котором составляла список всех необычных предметов, украденных им за долгие годы. Чуть больше половины списка я уже выделила жирным шрифтом: это были глухие тупики. Следующим пунктом был поиск запонки, похищенной в Стоктоне в сентябре 1977 года. В то время «Убийца из Золотого штата», как я привыкла его называть, до убийств еще не дорос. Он был серийным насильником, известным как «Насильник с востока», нападал на женщин и девушек в их собственных спальнях – сначала на востоке округа Сакраменто, затем переключился на населенные пункты Калифорнийской долины и восточной части области залива Сан-Франциско. Молодой, от восемнадцати до тридцати лет, белый, атлетически сложенный и способный ускользать от погони, перелезая через высокие заборы. Его предпочтительной целью был одноэтажный дом, второй от угла улицы в тихом квартале, где жили представители среднего класса. И еще он всегда носил маску.

Его отличительные особенности – четкость действий и инстинкт самосохранения. Подбираясь к жертве, он часто проникал в дом заранее, когда там никого не было, разглядывал семейные фотографии, изучал планировку. Он выводил из строя освещение на верандах и отпирал раздвижные застекленные двери. Разряжал оружие. Закрытые ни о чем не подозревавшими домовладельцами ворота оставлял открытыми. Снимки, которые он переставлял, хозяйева возвращали на место, объясняя их перемещение обыденной суетой. Жертвы спали, ничем не потревоженные, пока слепящий свет фонарика не вынуждал их открыть глаза. Внезапно ослепнув, они терялись. Со сна мысли сначала путались, потом неслись вскачь. Незвестный, которого они не могли разглядеть, управлял светом, – но кто он и зачем это делал? Их страх обретал направление, когда они слышали голос, который описывали как горловой шепот сквозь стиснутые зубы, резкий и зловещий, хотя некоторые улавливали в нем срыв и переход на более высокий тембр, дрожь, заикание, словно незнакомец в маске, державшийся в тени, вместе с лицом старался скрыть и явную неуравновешенность, что удавалось ему не всегда.

Стоктонский эпизод, случившийся в сентябре 1977 года, когда преступник украл запонки, был его двадцать третьим нападением и произошел после четко отмеренного летнего перерыва. Скрип крючков по карнизу, на которых держалась штора, разбудил двадцатидевятилетнюю хозяйку спальни на северо-западе Стоктона. Она подняла голову с подушки. При свете, горевшем снаружи, в патио, успела увидеть силуэт в дверях. Но тут луч фонарика ударил

ей в лицо, ослепив, и силуэт исчез, а сгусток энергии быстро переместился к постели. Предыдущее нападение он совершил в выходные накануне Дня поминовения. Нынешнее произошло в половине второго ночи во вторник после Дня труда⁷. Лето кончилось. Он вернулся.

Теперь он охотился за парами. Пострадавшая женщина пыталась описать полицейскому неприятный запах, исходивший от человека, который на нее напал. Ей никак не удавалось описать его. Несоблюдение личной гигиены тут ни при чем, говорила она. Пахло не из подмышек и не изо рта. Полицейский отметил в протоколе, что со всей определенностью жертва смогла сказать только, что этот запах казался запахом возбуждения, исходившим не от какого-то определенного участка тела, а из каждой поры. Страж порядка спросил, нельзя ли поконкретнее. Но никаких уточнений она сделать не смогла. Все дело в том, что подобных запахов она никогда прежде не ощущала.

Как и в других эпизодах, произошедших в Стоктоне, преступник заявлял, что ему нужны деньги, но не брал наличных, хоть они лежали на виду. Что ему было нужно, так это вещи, ценные для тех, кого он подвергал насилию: обручальные кольца с гравировкой, водительские удостоверения, сувенирные монеты. Те запонки, фамильная реликвия в необычном стиле 50-х годов XX века, были украшены монограммой из инициалов «Н.Р.». Полицейский, который записывал показания, схематично изобразил их на полях протокола. Мне стало любопытно выяснить, насколько уникальна эта вещь. Благодаря поискам в Интернете я знала, что мужские имена на «Н» встречались сравнительно редко, всего один раз на сотню в 30–40-х годах XX века, когда скорее всего и родился первый владелец этих запонок. Я вбила их описание в «Гугл» и нажала ввод.

Нужна изрядная доля самонадеянности, чтобы решить, будто доморощенный детектив вроде меня сможет раскрыть сложное дело о серийных убийствах, которое оказалось не по зубам специальной следственной группе, включавшей представителей пяти полицейских отделений Калифорнии и ФБР. У моей увлеченности раскрытием преступлений личные корни. Нераскрытое убийство, случившееся по соседству с нами, когда мне было четырнадцать лет, пробудило во мне интерес к нераскрытым делам. С появлением Интернета мой интерес трансформировался в активные поиски. Как только документы публичного характера стали доступны в Сети и были изобретены изощренные поисковые системы, я поняла, что мой мозг, в котором хранятся детали преступлений, и пустая поисковая строка могут прекрасно взаимодействовать, и в 2006 году открыла сайт под названием «Дневник реальных преступлений» – «True Crime Diary». Когда мои близкие засыпают, я путешествую во времени и занимаюсь переосмыслением давних улик с применением технологий XXI века. Я принимаюсь стучать по клавишам, искать в Интернете улики, ускользнувшие от внимания властей, прочесывать оцифрованные телефонные справочники, школьные выпускные альбомы, панорамы мест преступления в гугл-картах – весь неисчерпаемый кладезь потенциальных ниточек для детектива с ноутбуком, существующего ныне в виртуальном мире. Своими гипотезами я делилась с преданными читателями моего блога.

Я написала о сотнях нераскрытых преступлений: от душегубов с хлороформом до священников-убийц. Однако дело «Убийцы из Золотого штата» захватило меня больше всех остальных. Помимо пятидесяти сексуальных нападений в Северной Калифорнии на нем лежала ответственность за десять зверских убийств на юге того же штата. Это дело растянулось на целое десятилетие и в итоге привело к изменению законов штата, касающихся базы данных по ДНК. Ни «Зодиак», который терроризировал Сан-Франциско в конце 1960-х и начале 1970-х, ни «Ночной охотник», приучивший жителей Южной Калифорнии запереть окна в 1980-х, не проявляли такой активности. Однако «Убийца из Золотого штата» остается малозаметной

⁷ День поминовения отмечается в США в последний понедельник мая, День труда – в первый понедельник сентября. – Примеч. пер.

фигурой. У него не было броского, запоминающегося прозвища, пока я не ввела его в употребление. Он совершал нападения на территориях, подведомственных различным полицейским отделениям Калифорнии, которые не всегда делились информацией или тесно взаимодействовали друг с другом. К тому времени, когда анализ ДНК показал, что преступления, между которыми ранее не усматривали никакой связи, на самом деле совершил один и тот же человек, с момента последнего предположительно совершенного им преступления прошло более десяти лет, и его поимка не значилась в списке приоритетных задач. Он оставался на свободе, никем не замеченный и неопознанный.

И продолжал терроризировать своих жертв. В 2001 году одной жительнице Сакраменто позвонили в тот самый дом, где она подверглась нападению двадцатью четырьмя годами ранее. «Помнишь, как мы играли?» – прошептал мужской голос, когда она сняла трубку. Она узнала его мгновенно. Примерно то же самое он сказал в Стоктоне, когда шестилетняя дочь хозяев дома, направлявшаяся в туалет, увидела его в коридоре. Неизвестный стоял футах в двадцати от нее, он был в коричневой лыжной маске, черных вязаных митенках и без штанов. На ремне у него висел какой-то меч. «Я тут играю с твоими мамой и папой, – сообщил он. – Пойдем, посмотришь».

Меня зацепило то, что это дело казалось вполне поддающимся разгадке. Район разрушительных действий этого преступника был и слишком велик, и чересчур мал; он оставлял за собой множество жертв и обилие улик, но на сравнительно ограниченных территориях, что облегчало поиск потенциальных подозреваемых. Это дело стремительно затянуло меня. Любопытство переросло в одержимость. Я вела охоту, поглощенная лихорадочным перестуком клавиш – следствием приливов дофамина. И не я одна. Я обнаружила группу упорных искателей, которые собирались на одном форуме в Интернете и обменивались информацией и предположениями по этому делу. Не спеша выносить какие бы то ни было вердикты, я следила за их беседами на протяжении всех двадцати с лишним тысяч постов. Я отфильтровала типов с сомнительными мотивами и сосредоточила внимание на по-настоящему увлеченных участниках форума. Порой на этом форуме мелькали улики вроде снимка наклейки с подозрительной машины, которую видели незадолго до нападения, – это было что-то вроде краудсорсинга со стороны детективов, которые до сих пор пытались раскрыть это дело и которым катастрофически не хватало времени.

Я не считала его бесплотной тенью. И возлагала надежду на то, что человеку свойственно ошибаться. Он хоть где-нибудь да просчитался, рассуждала я.

К тому времени, когда летней ночью я вела поиски тех самых запонок, моя одержимость этим делом длилась уже почти год. Я питаю пристрастие к желтым блокнотам большого формата, особенно меня привлекает первый десяток страниц, когда все выглядит гладко и обнадеживающе. Частично исписанные блокноты были разбросаны по всей детской моей дочери – эта расточительная привычка отражает мое душевное состояние. Каждый блокнот – как ниточка, начатая и утерянная. За советами я обращалась к отставным детективам, работавшим по этому делу, и многих из них стала считать друзьями. Самонадеянность в них уже иссякла, но это не мешало им поддерживать мою. Охота на «Убийцу из Золотого штата», затянувшаяся почти на четыре десятилетия, казалась не столько эстафетой, сколько восхождением на неприступную гору группы фанатиков, связанных одним тросом. Старшим товарищам пришлось остановиться, однако они настаивали, чтобы я продолжала поиски. Одному из них я высказала опасение, будто я хватаюсь за соломинки.

– Хочешь совет? Вот и хватайся, – ответил он. – И работай с каждой, пока не сотрешь ее в порошок.

Моей самой последней соломинкой были украденные вещи. А мое настроение – далеко не оптимистичным. На Четвертое июля мы всей семьей собирались в Санта-Монику. Я еще не начала укладывать вещи. Прогноз погоды был ужасный. И вдруг я увидела его – единствен-

ный снимок из сотен появившихся на экране моего ноутбука, запонки в том же самом стиле, что и нарисованные в полицейском протоколе, точно с теми же инициалами. Я несколько раз сверила примитивный набросок, сделанный рукой полицейского, с фото на экране. В каком-то городке в Орегоне, в магазине со всевозможными винтажными вещами их продавали за восемь долларов. Я немедленно купила их и заплатила сорок долларов за доставку в течение суток. И направилась по коридору к спальне. Мой муж спал, лежа на боку. Присев на край постели, я пристально смотрела ему в лицо, пока он не открыл глаза.

– Кажется, я нашла его, – сказала я.

И мужу не понадобилось спрашивать, кто такой этот «он».

Часть 1

Ирвайн, 1981 год

После тщательного обследования дома полицейские объявили Дрю Виттуну: «Он ваш». Желтую ленту опустили, входную дверь закрыли. Бесстрастность и четкость полицейских, занятых работой, до сих пор помогали отвлекаться от пятна. Теперь оно стало неизбежностью. Спальня брата и невестки Дрю находилась неподалеку от входной двери, прямо за кухней. Стоя возле раковины, достаточно было повернуть голову влево, чтобы увидеть темные брызги, усеявшие белую стену над кроватью Дэвида и Мануэлы.

Дрю гордился своими крепкими нервами. В Полицейской академии их приучали справляться со стрессом, не теряя невозмутимости. Умение владеть собой было обязательным условием завершения учебы. Но до вечера этой пятницы, 6 февраля 1981 года, до того момента, как сестра его невесты подошла к столику в пабе «Ратскеллер» в Хантингтон-Бич и выпалила на одном дыхании: «Дрю, позвони своей маме», ему и в голову не приходило, что эти навыки – умение молчать и смотреть вперед, когда все вокруг в страхе таращат глаза и визжат, – понадобятся ему так скоро и так близко от дома.

Дэвид и Мануэла жили в доме номер 35 по улице Коламбус – одноэтажном типовом доме в новом жилом районе Ирвайна, Нортвуде. Словно одно из шупалец пригорода, этот район тянулся по прежней территории старого ранчо Ирвайн. На его окраинах еще преобладали апельсиновые плантации, и проникшие сюда бетон и асфальт граничили с безукоризненно ровными рядами деревьев, упаковочным цехом, общежитиями для сборщиков фруктов. О будущем меняющегося ландшафта свидетельствовали звуки: в реве бетономешалок тонул шум тракторов, которых становилось все меньше.

Конвейерный характер преобразования Нортвуда маскировала атмосфера достоинства. Ряды высоких эвкалиптов, посаженных фермерами в 1940-х годах для защиты от суровых ветров со стороны Санта-Аны, не выкорчевали, а предназначили для иных целей. Застройщики воспользовались деревьями, чтобы разделить автомагистрали и отгородить от них микрорайоны. Жилой комплекс, где жили Дэвид и Мануэла, назывался Шейди-Холлоу и включал 137 домов с четырьмя вариантами планировки. Супруги выбрали планировку 6014 – «Ива»: три спальни, площадь 1523 квадратных фута. В конце 1979 года, когда дом был достроен, они переехали туда.

По мнению Дрю, дом выглядел очень по-взрослому, хоть Дэвид и Мануэла были всего на пять лет старше его. Прежде всего, он был совершенно новый. Кухонные шкафчики блистали новизной, внутри холодильника пахло пластиком. И места здесь хватало. Дрю и Дэвид выросли в доме примерно такой же площади, но в нем ютились семеро жильцов, которым приходилось в раздражении дожидаться своей очереди принять душ и сталкиваться локтями за обеденным столом. В одной из трех спален дома Дэвид и Мануэла хранили велосипеды, в другой Дэвид держал свою гитару.

Дрю старался не обращать внимания на уколы зависти, но правда заключалась в том, что он действительно завидовал старшему брату. Дэвид и Мануэла, женатые уже пять лет, оба имели работу и стабильный заработок. Она оформляла кредиты в «Первом банке Калифорнии», он занимался продажами в отделе импорта одного из дилерских центров «Мерседес-Бенц». Стремления, свойственные среднему классу, сплотили их. Они подолгу обсуждали, стоит ли мостить двор перед домом кирпичом или где лучше искать качественные восточные ковры. Дом номер 35 по улице Коламбус представлял собой только контур, который еще тре-

бывалось заполнить. В его пустоте содержалось обещание. По сравнению с ними Дрю чувствовал себя неопытным и неимущим.

После первого визита в дом родственников Дрю редко бывал там. Причина заключалась не столько в зависти или обиде, сколько в недовольстве. Мануэле, единственному ребенку в семье эмигрантов из Германии, была свойственна резкость, которая порой озадачивала. В «Первом банке Калифорнии» знали о ее способности напрямую заявить кому-нибудь, что ему не мешает подстричься, или указать на чужие просчеты. Ошибки своих коллег она заносила в список, который вела на немецком. Мануэла была тоненькой и миловидной, с высокими скулами и грудными имплантами: она сделала операцию после свадьбы, так как не отличалась пышными формами, а Дэвид, как она объяснила одной из коллег, неприязненно пожимая плечами, по-видимому, предпочитал большую грудь. Новой грудью Мануэла не хвасталась. Наоборот, предпочитала носить водолазки и складывать руки на груди, словно в ожидании схватки.

Дрю видел, что эти отношения устраивают его брата, человека замкнутого и нерешительного, который предпочитал говорить не прямо, а недомолвками. Но слишком уж часто Дрю уходил из этого дома подавленный: сменяющие одна другую обиды Мануэлы словно устраивали короткое замыкание в каждой комнате, куда она входила.

В начале февраля 1981 года Дрю услышал от кого-то из родных, что Дэвид нездоров и лежит в больнице, но не планировал навещать брата, с которым не виделся уже довольно долго. В понедельник, 2 февраля, Мануэла отвезла Дэвида в больницу общины Санта-Аны и Тастина, где ему поставили диагноз: острая гастроинтестинальная вирусная инфекция. Несколько последующих вечеров Мануэла придерживалась одинакового распорядка: сначала ужинала у своих родителей, затем отправлялась в больничную палату номер 320 провести Дэвида. Каждый день они общались по телефону. Ближе к полудню в пятницу Дэвид позвонил в банк, где работала Мануэла, но узнал от ее коллег, что на работу она не явилась. Дэвид попытался дозвониться ей домой, слушал гудки и удивлялся: их автоответчик всегда включался после третьего гудка, обращаться с ним Мануэла не умела, значит, и отключить не могла. Тогда Дэвид позвонил ее матери, Рут, которая согласилась съездить к ним домой и провести дочь. Не дождавшись, когда ей откроют дверь, мать отперла ее своим ключом и вошла в дом. А через пару минут близкий друг семьи Рон Шарп⁸ был вызван туда же истерическим звонком Рут.

– Как только я посмотрел влево, я увидел ее раскинутые вот так руки и кровь по всей стене, – рассказывал детективам Шарп. – Но я никак не мог сообразить, как кровь попала на стену с того места, где она лежала. – В комнату он заглянул всего лишь один раз.

Мануэла лежала на постели лицом вниз. Она была одета в коричневый велюровый халат и частично закутана в спальный мешок, в котором иногда спала, когда зябла. Вокруг ее запястий и щиколоток виднелись красные следы от веревок, которыми ее вначале связали. Большая отвертка валялась на бетонном полу патио в двух шагах от раздвижной застекленной задней двери. Замок на двери был взломан.

Девятнадцатидюймовый телевизор вытащили из дома в юго-западный угол заднего двора, к высокому дощатому забору. Угол забора слегка разошелся, словно кто-то ударился о него или повис на нем всей тяжестью. При обследовании места преступления были замечены отпечатки подошв с рисунком в виде кружков как перед домом, так и за ним, а также на крышке газового счетчика с восточной стороны дома.

Первой из странностей, замеченных следователями, стало то, что единственным светом в спальне был тот, что проникал в нее из ванной. Об этом спросили Дэвида. Он находился в доме родителей Мануэлы, где собрались родные и друзья, скорбя и утешая друг друга. Следователи

⁸ Имя изменено.

заметили, что Дэвид выглядит потрясенным и растерянным, от горя у него путались мысли. Отвечая на вопросы, он сбивался и резко менял тему. Вопрос о свете озадачил его.

– А где лампа? – спросил он.

Лампа с квадратной подставкой и хромированным круглым металлическим абажуром исчезла со стереоколонки, стоящей слева от кровати. Ее отсутствие позволило полиции предположить, каким именно тяжелым предметом, как дубинкой, Мануэлу забили насмерть.

Дэвида спросили, известно ли ему, почему из автоответчика пропала пленка. Он растерялся. Покачал головой. Можно предположить только, сказал он полицейским, что на автоответчик записался голос того, кто убил Мануэлу.

Все это выглядело очень странно. Особенно для Ирвайна, где преступления были редкостью. И это показалось странным полицейским Ирвайна: кое-кто из них счел все это инсценировкой. Пропало несколько ювелирных украшений, телевизор вытащили во двор. Но какой взломщик забывает на месте преступления отвертку? Может быть, Мануэла знала убийцу? Ее муж ночевал в больнице. Она позвала к себе знакомого. Вспыхнула ссора, он вытащил из автоответчика пленку, зная, что на ней его голос, взломал замок на раздвижной двери, а затем, в качестве последнего штриха, оставил там же отвертку.

Но далеко не все считали, что Мануэла была знакома с убийцей. На следующий день после обнаружения трупа Дэвида допросили в полиции Ирвайна. Его спрашивали, не возникало ли у него и его жены ранее подозрительных ситуаций. Подумав, Дэвид упомянул, что тремя или четырьмя месяцами ранее, в октябре или ноябре 1980 года, кто-то оставил возле дома следы. Дэвиду они показались отпечатками подошв теннисных туфель. Следы тянулись вдоль одной стороны дома до другой, а потом вели на задний двор. Ему выдали лист бумаги и попросили как можно точнее нарисовать эти следы. Он рисовал быстро, измученный и погруженный в себя. Дэвид не знал, что полицейские изготовили гипсовый слепок следов убийцы Мануэлы, оставленных возле дома в ночь убийства. Наконец Дэвид отодвинул листок. Он нарисовал подошву правой теннисной туфли с мелкими кружками на ней.

Дэвида поблагодарили и разрешили ему уехать домой. Полицейские сличили его набросок с гипсовым слепком. Рисунки совпали.

Многие люди, совершающие насильственные преступления, импульсивны, неорганизованны и легко попадаютсся. Подавляющее большинство убийств – дело рук людей, хорошо знакомых с жертвой, и, несмотря на все попытки сбить полицию со следа, таких преступников обычно быстро разоблачают. И лишь незначительное меньшинство, процентов пять всех преступников, представляют серьезную проблему: это те, чьи злодеяния свидетельствуют о тщательном планировании, ярости и полном отсутствии раскаяния. Убийству Мануэлы были присущи все отличительные признаки этого последнего типа. Об этом говорили и следы от веревок, и отсутствие самих веревок. И ужасные раны на голове жертвы. И несколько месяцев, прошедших после появления следов подошв с рисунком из мелких кружков, указывали на непреклонную настойчивость того, кто один знал о своей жестокости и своих планах.

В середине дня в субботу, 7 февраля, после тщательной проверки улик в течение предыдущих двадцати четырех часов, полиция провела еще один быстрый осмотр, а затем официально открыла Дэвиду доступ в дом. В то время компаний, профессионально наводящих порядок на местах преступлений, еще не существовало. Дверные ручки были запачканы черным порошком для снятия отпечатков пальцев. В матрасе на двуспальной кровати Дэвида и Мануэлы на месте участков, вырезанных криминалистами в качестве вещдоков, зияли дыры. Кровать и стена над ней по-прежнему были забрызганы кровью. Дрю с его полицейской подготовкой понимал, что он справится с уборкой лучше других, и решил заняться ею. Кроме того, он считал, что в долгу перед братом.

Однажды вечером за десять лет до этого их отец Макс Виттун заперся в одной из комнат после ссоры с женой. В то время Дрю учился в восьмом классе и как раз находился на школь-

ной дискотеке. Самым старшим из детей в семье был восемнадцатилетний Дэвид, и именно ему пришлось выбивать дверь после того, как в доме прогремел выстрел из дробовика. Дэвид также уберег родных от зрелища разлетевшихся отцовских мозгов. Их отец покончил с собой за две недели до Рождества. Это событие будто лишило Дэвида уверенности в себе. С тех пор он постоянно пребывал в состоянии нерешительности. И если порой он улыбался губами, то глазами – никогда.

А потом он встретил Мануэлу. И снова оказался на твердой почве.

Ее свадебная фата висела на двери их спальни. Полицейские, полагая, что она может оказаться уликой, расспросили о ней Дэвида. Он объяснил, что это Мануэла отвела фате место на двери – редкое для нее проявление сентиментальности. Эта фата дала возможность мельком увидеть мягкую сторону натуры Мануэлы, ту сторону, которую мало кто знал и уже никто не узнает.

Невеста Дрю училась на медсестру. Она вызвалась помочь ему с уборкой места преступления. Им предстояло вырастить двоих сыновей и развестись после двадцати восьми лет брака. Даже в моменты худшего разлада Дрю шел на попятный, вспомнив, как она помогала ему в тот день: эту твердость духа и доброту он не смог бы забыть никогда.

Они принесли бутылки с хлоркой и ведра с водой. Надели желтые резиновые перчатки. Работа была тяжелой и грязной, но глаза Дрю оставались сухими, взгляд – безучастным. Он старался рассматривать происходящее как возможность чему-нибудь научиться. Работа полицейского предполагает способность к хладнокровному анализу. Надо держаться, даже когда приходится оттирать кровь твоей невестки с медного каркаса кровати. Чуть меньше чем за три часа они стерли следы насилия и навели в доме порядок к возвращению Дэвида.

Когда работа была закончена, Дрю сложил остатки моющих средств в багажник и сел за руль своей машины. Он вставил в замок ключ зажигания, но вдруг застыл, сжался, словно готовясь чихнуть. Странное, неудержимое чувство охватывало его. Возможно, от усталости.

Плакать он не собирался. Слезы были ни при чем. Он даже не помнил, когда плакал в последний раз. Дело было не в этом.

Он обернулся и уставился на дом номер 35 по улице Коламбус. Мысленно перенесся в тот момент, когда подъехал к этому дому впервые. Вспомнил, о чем подумал, пока сидел в машине, готовясь войти в дом.

Брат и вправду хорошо устроился.

У него вырвался сдвленный всхлип – борьба в попытках сдержать его была проиграна. Дрю уткнулся лбом в руль и зарыдал. Это был не плач сквозь ком в горле, а буря беспощадного горя. Безудержная. Очищающая. В машине пахло аммиаком. Кровь из-под ногтей вычистилась лишь через несколько дней.

Наконец он велел себе собраться. У него находился небольшой предмет, который требовалось отдать на экспертизу. Найденный под кроватью. Никем не замеченный ранее.

Фрагмент черепа Мануэлы.

В субботу вечером следователи полиции Ирвайна Рон Вич и Пол Джессап, надеясь получить дополнительную информацию от близких Мануэлы, позвонили в дверь дома ее родителей на Лома-стрит в районе Гринтри. Им открыл отец убитой Хорст Рорбек. Днем ранее, вскоре после того, как дом был оцеплен и объявлен местом преступления, Хорста и его жену Рут доставили в полицию, где младшие чины допросили их по отдельности. Так Джессап и Вич (последний был назначен главным следователем по этому делу) познакомились с Рорбеками. Двадцать лет, проведенных в США, не смягчили немецкий характер Хорста. Он был владельцем местной автомастерской и, как говорили, мог разобрать «Мерседес», пользуясь одним только гаечным ключом.

Мануэла была единственным ребенком Рорбеков. Каждый вечер она ужинала с ними. В ее личном ежедневнике в январе значились лишь две пометки – дни рождения ее родителей. *Мама. Папа.*

– Кто-то убил ее, – сказал Хорст на своем первом допросе в полиции. – Я убью этого типа.

Хорст стоял в дверях, держа бокал с бренди. Вич и Джессап вошли в дом. В гостиной собрались несколько ошеломленных родственников и друзей семьи. Когда следователи представились, каменное выражение исчезло с лица Хорста, и он взорвался. Он не был высокого роста, но в бешенстве словно вдруг вырос. На ломаном английском он кричал, какое отвращение внушает ему местная полиция, заявлял, что ее действий недостаточно. Послушав минуты четыре его гневный монолог, Вич и Джессап поняли, что в их присутствии здесь нет необходимости. Хорст был убит горем и нарывался на скандал. Его бешенство казалось взрывом реактивного снаряда в реальном времени. В ответ можно было сделать лишь одно: положить визитку на столик в прихожей и убраться восвояси.

Душевные муки Хорста имели особый оттенок раскаяния. У Рорбеков была огромная, армейской выучки немецкая овчарка по кличке Поссум. Хорст предлагал Мануэле взять Поссума к ней домой для охраны, пока Дэвид в больнице, но она отказалась. Невозможно было не возвращаться мысленно в недавнее прошлое и не представлять, как Поссум, оскалив пасть, с капавшей с клыков слюной при первой же попытке взлома бросается на незваного гостя и прогоняет его.

Панихида по Мануэле состоялась в среду, 11 февраля, в церкви Сэддлбек в Тастине. Дрю заметил на другой стороне улицы полицейских, занятых фотосъемкой. После похорон он вернулся в дом на улице Коламбус вместе с Дэвидом. В гостиной братья засиделись за разговором до поздней ночи. Дэвид сильно опьянел.

– Они думают, что это я ее убил, – вдруг сказал Дэвид, имея в виду полицию. Его лицо было непроницаемым.

Дрю приготовился выслушать признание. Он не верил, что Дэвид физически был способен на убийство Мануэлы; вопрос заключался в другом – не нанял ли он кого-нибудь для этой цели. Дрю почувствовал, как в нем сработала полицейская выучка. Он не замечал ничего вокруг, кроме сидящего напротив брата. Насколько он понимал, шанс у него всего один.

– А ты что? – спросил Дрю.

Дэвид, всегда немного стеснительный, заметно дрожал по вполне понятным причинам. На него всей тяжестью обрушилась вина выжившего. В сердце возникла пустота: если кто-то и должен был умереть, так это он. В своем горе родители Мануэлы настойчиво искали, кого обвинить в случившемся. Их взгляды все больше напоминали удары по касательной. Но теперь, в ответ на вопрос Дрю, Дэвид ошетинился.

– Нет, – отрезал он. – Свою жену я не убивал, Дрю.

Дрю вдохнул полной грудью – как ему показалось, впервые с тех пор, как узнал об убийстве Мануэлы. Ему было необходимо услышать от Дэвида эти слова. Глядя в глаза брата, скорбные, но горящие убежденностью, Дрю понял, что он говорит правду.

Не только он считал, что Дэвид невиновен. Криминалист Джим Уайт из управления шерифа округа Ориндж участвовал в обследовании места преступления. Хорошие криминалисты – это живые сканеры: они входят в незнакомые комнаты, где царит хаос, выявляют в нем важные следы и улики и абстрагируются от всего прочего. Они работают в стрессовых ситуациях. Состояние места преступления напрямую зависит от времени, оно постоянно находится на грани разрушения. Каждый входящий означает потенциальную угрозу загрязнения. Криминалисты приходят, нагруженные инструментами для сбора и хранения улик: бумажными пакетами для вещдоков, пломбами и печатями, рулетками, ватными палочками, специальной упаковочной бумагой, гипсом. На месте убийства Мануэлы Виттун вместе с Уайтом работал следователь Вич, указывавший, какие именно образцы следует взять. Уайт собрал похожие на

чешуйки следы грязи, найденные рядом с кроватью. Окунул ватную палочку в пятно разбавленной крови на унитазе. Стоял рядом с Вичем, когда переворачивали тело. Оба отметили огромную рану на голове, следы от веревок и какую-то ссадину на правой руке. На левой ягодице убитой нашелся след, оставленный, как потом определил коронер, скорее всего ударом кулака.

Второй этап работы криминалистов происходит в лаборатории, где ведется анализ собранных свидетельств. Уайт сравнил коричневую краску на отвертке убийцы с краской популярных марок и сделал вывод, что она наиболее соответствует «оксфордской коричневой», выпускаемой компанией «Бехр». Как правило, в лаборатории работа и завершается. Криминалисты – это не следователи. Они не проводят допросы и не прорабатывают версии. Но Уайт находился в исключительном положении. Отдельные полицейские участки округа Ориндж расследовали преступления, совершенные на их территории, своими силами, но большинство обращались за помощью в криминалистическую лабораторию при управлении шерифа. Таким образом, следователи, работавшие по делу Виттун, знали только о подобных случаях в Ирвайне, а Уайт побывал на местах преступлений по всему округу – от Санта-Аны до Сан-Клементе.

Для полиции Ирвайна убийство Мануэлы Виттун было редким явлением.

Для Джима Уайта – тем, с чем он уже сталкивался.

Дана-Пойнт, 1980 год

Роджер Харрингтон прочел записку, подsunутую под дверной звонок. Она была датирована вчерашним днем – 20 августа 1980 года.

Патти и Кит!

Мы заезжали в 7.00, дома никого не оказалось.

Позвоните нам, если планы изменились.

Записку подписали Меридет и Джей – Роджер знал, что так зовут друзей его снохи. Он попробовал открыть входную дверь и с удивлением обнаружил, что она заперта. Кит и Патти редко запирались, когда были дома, особенно ожидая его к ужину. Свернув на подъездную дорожку к дому, Роджер нажал кнопку двери гаража и увидел, что обе машины, «Эм-Джи» Кита и «Фольксваген» Патти, стоят внутри. Если хозяев дома нет, они, наверное, на пробежке, рассудил Роджер. Он нашел ключ в тайнике в патио, над решеткой для вьющихся растений, и вошел в дом, прихватив с собой необычно пухлую стопку почты.

Этот дом, номер 33381 по Коклшелл-драйв, был одним из примерно 950 строений в Нигел-Шорс, закрытом жилом комплексе в Дана-Пойнте – приморском городке на юге округа Ориндж. Коттедж принадлежал Роджеру, хотя сам он жил в многоквартирном доме в соседнем Лейквуде, откуда было ближе до его офиса в Лонг-Бич. Его двадцатичетырехлетний сын Кит, студент-медик третьего курса Калифорнийского университета в Ирвайне, и его жена Патти, медсестра, временно поселились в этом доме, чему Роджер был только рад. Ему нравилось, когда все родные живут по соседству.

Дом был отделан в стиле конца семидесятых. Рыба-меч на стене. Люстра с абажуром от «Тиффани». Подвесные веревочные кашпо для цветочных горшков. В кухне Роджер смешал себе коктейль. Хотя смеркаться еще не начинало, в доме было сумеречно и тихо. Общую неподвижность нарушала только искрящаяся синева океана, видневшаяся через обращенные на юг окна и раздвижные застекленные двери. У кухонной раковины стоял пакет из «Альфа Бета» с двумя банками консервов. Буханка пастушьего хлеба была вынута, рядом лежали три зачерствевших ломтя. В сердце Роджера начал мало-помалу закрадываться страх.

Он направился по коридору, застеленному ковровым покрытием цвета охры, к спальням. Дверь комнаты для гостей, которую занимали Кит и Патти, была открыта. Сквозь закрытые жалюзи почти не проникал свет. Постель оказалась застеленной, стеганое одеяло подтянуто почти до деревянного изголовья кровати. Станный бугор под покрывалом привлек внимание Роджера, когда он уже собирался закрыть дверь. Он подошел к кровати, протянул руку и нащупал на постели что-то твердое. И отдернул покрывало вместе с одеялом.

Контраст между видимостью застеленной постели и тем, что обнаружилось под одеялом, был чудовищен. Кит и Патти лежали ничком. Их руки были вывернуты под неестественным углом, ладонями вверх. Они казались сломанными в самом что ни на есть буквальном смысле слова. Если бы не потолок, можно было бы подумать, что они упали с огромной высоты, – так много крови натекло под ними.

Кит был младшим из четырех сыновей Роджера. Он прекрасно учился. В старших классах был неизменным шорт-стопом сборной местной бейсбольной конференции. До Патти имел длительные отношения лишь с одной девушкой, вместе с которой учился на подготовительных курсах будущих студентов-медиков. Все были уверены, что на ней он и женится, – до тех пор, пока по необъяснимой, с точки зрения Роджера, причине она не выбрала другой медицинский колледж и пара распалась. Вскоре после этого в медицинской школе при Калифорнийском университете в Ирвайне Кит познакомился с Патти, и меньше чем через год после этого они

поженились. В глубине души Роджер тревожился, считая, что Кит слишком поспешил завязать новые отношения, однако Патти была такой же доброй и порядочной, как Кит, и порвала с предыдущим парнем, вместе с которым жила, потому что он увлекался марихуаной. Патти и Кит, казалось, были преданы друг другу всей душой. В последнее время Роджер часто виделся с детьми, как он называл их. Он помогал им установить новую систему полива с разбрызгивателями во дворе. В прошлую субботу они втроем привели в порядок кусты. Позже тем же вечером все вместе устроили барбекю по случаю дня рождения отца Патти.

В кино люди, нашедшие труп, не верят своим глазам и в отчаянии трясут его. Роджер этого не сделал. Не было необходимости. Даже в сумеречном свете он видел, что светлая кожа его сына стала лиловой.

Не было ни следов борьбы, ни свидетельств проникновения со взломом, хотя одна из раздвижных дверей, возможно, осталась незапертой. Согласно чеку из «Альфа Бета», Патти купила продукты в 21.48 во вторник. Ее сестра Сю звонила в тот же день позже, в 23.00. Кит ответил ей сонным голосом и передал трубку Патти. Та сообщила Сю, что они уже в постели, сказала, что ждет рано утром звонка из агентства медсестер. В ране на голове Патти нашли обломок какого-то латунного предмета. Предположительно в тот отрезок времени, когда Патти закончила говорить с сестрой и когда она не вышла на работу в среду утром, кто-то прихватил со двора недавно установленную латунную насадку разбрызгивателя и проник в дом. На закрытой территории, с охранником на въезде. И никто ничего не услышал.

Изучая свидетельства по делу Виттун шесть месяцев спустя, криминалист Джим Уайт из управления шерифа округа Ориндж почувствовал, что оно как-то связано с убийством супругов Харрингтон. Сходство между этими преступлениями прослеживалось и в большом, и в малом. Жертвы принадлежали к среднему классу, их забили насмерть в постели ударами по голове орудием, найденным убийцей в доме жертв. В обоих случаях убийца, покидая дом, унес орудие преступления с собой. В обоих случаях убитые женщины были изнасилованы. На трупах Кита и Патти Харрингтон обнаружились следы связывания, обрезки шнура для макраме нашли в постели и вокруг нее. В деле об убийстве Виттун, совершенном шесть месяцев спустя, такие следы также присутствовали на трупе, но самого материала, которым связывали жертву, на месте преступления не оказалось. Это различие, похоже, свидетельствовало о том, что преступник извлекал уроки из прошлых ошибок.

Два этих дела об убийствах объединяла также примечательная связь с медициной. Кит Харрингтон был студентом-медиком в Калифорнийском университете в Ирвайне, Патти – медсестрой, работавшей иногда посменно в больнице Милосердия в Санта-Ане. Дэвид Виттун, муж Мануэлы, в момент ее убийства являлся пациентом больницы района Санта-Ана – Тастин.

Сильно обгоревшая деревянная спичка была найдена на полу в кухне Харрингтонов. Никто из них не курил, поэтому следователи сочли, что спичку оставил убийца.

Четыре деревянные спички обнаружили на цветочной клумбе у боковой стены дома Виттунов.

Дело супругов Виттун расследовала полиция Ирвайна, супругов Харрингтон – управление шерифа округа Ориндж. Следователи обеих групп обсуждали возможную связь между преступлениями. Нападение на двоих людей, совершенное убийцей Харрингтонов, было признано нетипичным. И чрезвычайно рискованным. Оно свидетельствовало о том, что убийца хотя бы отчасти доставляет удовольствие повышать ставки. Стал бы тот же преступник шесть месяцев спустя нападать на единственную жертву, как произошло в деле Виттун? Нашлось и возражение: нахождение Дэвида в больнице было случайностью. Значит, убийца удивился, застав Мануэлу в ту ночь одну?

Кража (украшений Мануэлы) – против отсутствия кражи. Проникновение со взломом – против отсутствия следов взлома. Отпечатки пальцев не были найдены, и сличать было нечего;

анализ ДНК в то время был еще делом далекого будущего. Убийца не оставил на месте преступления и туза пик в качестве своего опознавательного знака. Но кое-какие мелкие подробности все же обнаружились. Когда на Кита Харрингтона обрушился убивший его удар, на деревянном изголовье над ним образовалась зазубрина. По расположению деревянной щепки, найденной между ногами Патти, было установлено, что Кита убили первым, а затем на Патти было совершено сексуальное нападение. Такая последовательность событий означала для нее максимум страданий. Убийца Мануэлы пробыл с ней достаточно долго, чтобы довести ее до состояния острого стресса и тошноты: на постели нашли ее рвоту.

«Особая жестокость» как чрезмерное применение силы или нанесение чрезмерного ущерба – популярный термин, которым порой злоупотребляют в расследованиях преступлений и детективах или же применяют его неправомерно. Даже опытным следователям, ведущим дела об убийствах, случается неверно истолковывать поведение преступника, когда он применяет избыточную силу. Обычно полагают, что убийство, характеризующееся особой жестокостью, означает наличие каких-либо отношений между преступником и жертвой, вырвавшуюся на свободу накопленную ярость, порожденную близким знакомством. Как принято говорить, «это личное»⁹.

Однако это допущение не учитывает внешние причины подобного поведения. Уровень примененной силы может зависеть от степени сопротивления жертвы. Страшные раны, которые выглядят как последствия чудовищного разлада в личных взаимоотношениях, могут быть результатом затяжной борьбы совершенно незнакомых людей.

Большинство преступников, совершающих насильственные преступления, пробивают себе путь по жизни, подобно живым кувалдам. Вместо рук у них кулаки, поле зрения ограничено тем, что находится непосредственно перед ними. Они легко попадают. Слишком много болтают. Возвращаются на место преступления, привлекая столько же внимания, сколько пивные банки, привязанные к бамперу. Но порой случается и «голубая луна» – второе полнолуние в месяц. И мимо крадется снежный барс.

Время от времени следователям встречается убийство, характеризующееся как совершенное с особой жестокостью, при котором жертва не сопротивлялась убийце, с которым не была знакома.

Поскольку и Мануэла, и Патти были связаны, следовательно, по определению не могли сопротивляться, сила, использованная, чтобы забить их насмерть, свидетельствовала о крайней степени ярости, направленной на женщину. Сочетание такой иступленной злобы с тщательным планированием выглядело нетипично. Криминалистическое сходство между делами отсутствовало, зато имелось ощущение, что в обоих случаях действовал один и тот же разум, – разум человека, который почти не оставлял улик, почти не говорил и не показывал лица, бродил, никем не замеченный, в местах скопления представителей среднего класса, – самый заурядный человек с психическим расстройством.

Возможную связь между этими двумя делами никогда не отметили полностью – просто отложили ее рассмотрение, когда стало ясно, что оба расследования зашли в тупик. В августе 1981 года в нескольких газетных статьях поднимался вопрос, имеет ли дело Харрингтонов какое-либо отношение к другим недавним двойным убийствам в Южной Калифорнии.

⁹ Представления Мишель о применении особой жестокости в упомянутых делах несколько изменились после того, как были написаны эти строки. С тех пор она пришла к выводу, что «Убийца из Золотого штата» применял столько силы, сколько требовалось для убийства жертв. Эта информация была почерпнута из разговоров с участниками следствия, в том числе с Полом Хоулсом (которого, по его словам, «не впечатлила» свирепость этих ударов по сравнению с местами других преступлений, в расследовании которых он участвовал). Беспорядочный, грязный и шокирующий вид места, где жертву забили насмерть, может поначалу привести к тому, что убийство будет квалифицировано как совершенное с особой жестокостью, что, вероятно, и имело место в некоторых делах «Убийцы из Золотого штата».

«Неужели это психопат “Ночной охотник” убивает южнокалифорнийские пары в их собственных постелях?» – так начиналась одна из статей в «Лос-Анджелес таймс».

Впервые идея о связи между двумя убийствами возникла в управлении шерифа округа Санта-Барбара. Следователи там работали по двум делам о двойных убийствах и одному – о нападении с ножом, при котором паре удалось сбежать. Но в других округах, где расследовали предположительно связанные дела, Вентура и Ориндж, не поддержали эту гипотезу. Власти Вентуры, еще не оправившиеся после широкой огласки судебного слушания, во время которого дело против подозреваемого в совершении одного из двойных убийств с треском развалилось, якобы высказали мнение, что Санта-Барбара слишком поспешила с выводами. В округе Ориндж тоже были настроены скептически. «Мы так не считаем», – заявил следователь Дэррил Коудер.

Этим все и закончилось. Прошло пять лет. Десять лет. Ни один свидетель, располагающий ценными сведениями, так и не позвонил. Необходимая информация, приобщенная к материалам дел, которые периодически пересматривали, так и не была разглашена. Роджер Харрингтон, обративший внимание на детали, пытался сам раскрыть убийства Кита и Патти. Он нанял частного детектива. Предложил щедрую награду. Были опрошены друзья и коллеги. Все напрасно. В отчаянии Роджер, упорный бизнесмен, всего добившийся своими силами, не выдержал и обратился к ясновидящему. Но и тот не сумел рассеять туман. Роджер перебирал в памяти каждую минуту, которую провел с Китом и Патти накануне их гибели. Их убийство как набор обрывочных подробностей, которые так и не были связаны воедино, непрерывно крутилось у него в голове.

Голливуд, 2009 год

Папарацци, выстроившись в четыре ряда, толпились и толкались локтями по обе стороны красной ковровой дорожки. Мой муж Пэттон позировал перед камерами в своем щегольском синем костюме в тонкую полоску. Сверкали вспышки. Десятки рук с микрофонами тянулись из-за металлического ограждения. Прибыл Адам Сэндлер. Центр внимания сместился. Шум нарастал и стихал волнами. Затем явился Джадд Апатоу. Джона Хилл. Крис Рок. Это было в понедельник, 20 июля 2009 года, в седьмом часу вечера. Мы приехали в кинотеатр «Арклайт синемаз» в Голливуде на премьеру фильма «Приколисты». Наверное, где-то сохранился так и не опубликованный снимок какой-нибудь знаменитости, где на дальнем плане можно разглядеть женщину в черном платье-футляре и удобных туфлях. Вид у меня растерянный и взволнованный, я таращусь в свой айфон, потому что именно в этот момент, когда меня окружали ярчайшие из всемирно известных звезд, я узнала, что неуловимый преступник, за которым я охотилась как одержимая, преступник, совершавший двойные убийства и скрывавшийся на западе и северо-западе страны на протяжении последних тридцати семи лет, наконец был найден.

Спрятавшись за бетонной колонной, я позвонила единственному человеку, для которого, как я знала, эта новость важна так же, как и для меня, – репортеру Питу Кингу, много лет проработавшему в «Лос-Анджелес таймс», а теперь ведавшему связями со СМИ в Калифорнийском университете. Он сразу же ответил на звонок.

– Ты уже знаешь, Пит? – с трудом выпалила я.

– Знаю что?

– Я только что получила имейл со ссылкой на новостной сюжет. Где-то в глуши, в горах Нью-Мексико произошла перестрелка. Погибли два человека. Помощник шерифа и тип, за которым он охотился. Какой-то таинственный житель гор, грабивший дома местных.

– Не может быть, – отозвался Пит.

– Может, – возразила я. – Они сняли его отпечатки пальцев.

Признаюсь честно: в тот момент я сделала паузу – для пушечного драматизма.

– Джозеф Генри Берджесс, – провозгласила я. – Пит, мы оказались правы. Все это время он был рядом.

Наше ошеломленное молчание продлилось всего секунду. Я знала, что Питу не терпится метнуться к компьютеру. Организаторы премьерного показа уже загоняли зрителей в зал. Я видела, что Пэттон высматривает меня.

– Выясни подробности, – попросила я Пита. – Сама я не могу. У меня дела.

Дела эти вовсе не были моими. Да, понимаю: неприязнь к походам на кинопремьеры – не самая распространенная и понятная из личных заморочек и попадает скорее в категорию завистливого «везет же некоторым». С этим все ясно. Сейчас объясню. Моя ложная скромность тут ни при чем, просто мне еще ни разу не случалось побывать на голливудском мероприятии, где никто не заправил бы мне торчащий ярлычок, не застегнул пуговицу или не сообщил бы, что у меня на зубах губная помада. Однажды кто-то из распорядителей шлепнул меня по пальцам, чтобы я перестала грызть ногти. Моей позе на красной дорожке лучше всего соответствует описание «голова в плечи и вперед на полусогнутых». Но мой муж – актер. Я люблю его и восхищаюсь его работой и работой наших друзей, и в комплекте ко всему этому идут редкие посещения подобных мероприятий. Так что приходится роскошно одеваться и в некоторых случаях делать профессиональный макияж. За тобой присылают авто представительского класса с водителем, отчего испытываешь неловкость и чувство вины. Бодрый пиарщик, с которым ты незнакома, ведет тебя по красной ковровой дорожке, где тебе отовсюду кричат «сюда улыбочку!» и «еще сюда!» сотни незнакомых людей со вспышками вместо лиц. А потом, после

этих кратких минут наигранного гламура, вдруг оказываешься в самом обычном скрипучем кресле кинотеатра, потягиваешь колу-лайт из запотевшего пластикового стаканчика и грызешь теплый попкорн, пачкая пальцы солью. Свет гаснет. Все начинают изображать энтузиазм.

Когда мы направлялись на тусовку после показа, Пэттона познакомили с режиссерами «Адреналина» – боевика, который ему нравится, с Джейсоном Стэйтемом в главной роли. Пэттон порадовал их перечислением своих любимых моментов из фильма. «Я без ума от Стэйтема», – признался он. Попрощавшись с режиссерами, мы остановились понаблюдать за толпой, втискивающейся в бальный зал комплекса «Голливуд энд Хайленд сентер». Нас ждали напитки, деликатесные мини-чизбургеры, а может, даже кумир моего мужа – актер, комик и писатель Гарри Шендлинг. Пэттон прочел мои мысли.

– Да без проблем, – заявил он.

По пути на выход нас перехватила одна из приятельниц.

– Спешите домой к малышке? – тепло улыбнулась она. Нашей дочери Элис было всего три месяца.

– Ну ты же понимаешь, обычное дело, – ответила я.

Между тем дело было далеко не обычным: я отказывалась от пафосной голливудской вечеринки ради возвращения не к моему спящему младенцу, а к моему ноутбуку, чтобы всю ночь провести в поисках информации о человеке, с которым я никогда не встречалась, убившем людей, которых я не знала.

Незнакомые мне мужчины, совершавшие насильственные преступления, занимали мои мысли на протяжении всей моей взрослой жизни: это началось задолго до 2007 года, когда я впервые узнала о преступнике, которого в конце концов прозвала «Убийцей из Золотого штата». Та часть мозга, где обычно хранится спортивная статистика, или рецепты десертов, или цитаты из Шекспира, у меня была отведена под галерею мучительных образов: принадлежавший погибшему мальчишке велосипед «Би-Эм-Экс» валяется в канаве у проселочной дороги, а его колеса все еще крутятся; клочок микроскопических зеленых ворсинок, собранных со спины мертвой девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.